

статье В. Г. Авсеенко об «Анне Карениной» и его «светском» романе «Млечный путь», этом галантерейном подражании Толстому. Авсеенко беспощадно высмеял Достоевский; его формулой, кстати, и воспользовался Страхов: «Право, это люди из бумажки, как говорит Достоевский». ⁴⁹

Что касается Страхова, то для него роман Толстого не шел ни в какое сравнение даже с наиболее известными произведениями популярных европейских и русских писателей. В апрельском письме Толстому за 1876 год он с восторгом заявляет, что не знает таких описаний «любви как страсти ни у кого, кроме разве Мюссе, немножко Жорж Занда, и немножко Тургенева. Почти непонятно, каким образом Достоевский, столько волочившийся и дважды женатый, не может выразить ни единой черты страсти к женщине, хотя и описывает невероятные сплетения и увлечения таких страстей». ⁵⁰ Занятное, спонтанно вырвавшееся мнение убежденного холостяка ⁵¹ Страхова о Достоевском — художнике и человеке, предстающем вопреки всем фактам и свидетельствам современников в облике многоопытного ловеласа, который позднее больная фантазия Страхова трансформирует в образ злого и извращенного развратника. ⁵² Недоброжелательное чувство вдруг стало изливаться, но было тут же подавлено. Неприятие же художественного мира Достоевского очевидно. И такова постоянная позиция Страхова; он промолчит о романах «Идиот» и «Подросток», а «Бесов» упомянет мельком, в связи с нигилизмом и борьбой с ним — общей, как ему представлялось, борьбой. ⁵³

⁴⁹ Там же. С. 311.

⁵⁰ Там же. С. 265.

⁵¹ Понятно, что и родня и знакомые усиленно его «толкали жениться». К добровольным свахам присоединилась и Софья Андреевна, говорившая ему, «что это вовсе не трудно». Для графини специально Страхов рассказывает анекдотичную историю об одной из тех, кого прочли ему в жены (в письме Толстому от 12 сентября 1871 года), дабы прекратить эти, неприятные для него разговоры. Иногда Страхов писал Толстому о горькой участи бобыля, но, похоже, то были вошедшие в привычку жалобы; к семейной жизни он давно перестал стремиться, в пору знакомства с Толстым был уже закоренелым, убежденным холостяком. Толстой со свойственной ему деликатностью этого сюжета в переписке не касался. Однажды, впрочем, он невольно обидел Страхова. Сообщая о смерти сына Пети, между прочим, Толстой заметил: «Значение этой смерти несемейный человек понять не может» (Там же. С. 132).

⁵² Поразительно и такое признание Страхова, не очень уместное и странное, в письме Толстому от 11 марта 1879 года, должно быть, неприятно поразившее того болезненным тоном: «Я Тургенева и Достоевского, простите меня, не считаю людьми; но Вы — человек, и не поверите, как отраднo такому смутному и колеблющемуся существу, как я, увериться, что он встретил настоящего человека» (Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 2. С. 502).

⁵³ Эту борьбу Страхов неизменно выделял. В статье «Взгляд на текущую литературу» он в самую большую заслугу Достоевскому ставил талантливое исследование болезней русского общества, благотворное влияние на «заблудшую» молодежь («Вот пример и поучение для всех наших партий»): «Молодые люди, именно те, которые искали выхода из своих мрачных и страшных убеждений, не только охотно читали Достоевского, но и обращались к нему частным образом, ожидая опоры и руководства. Достоевский, однако, не был ни мыслителем, ни публицистом в настоящем смысле слова; больше всего он был художником, и своим художническим чутьем он различал правду и заблуждение, добро и зло. Он проповедовал не столько логически, сколько психологически, и в своих романах он всего полнее выразил свои стремления и свои взгляды на состояние русских умов и душ. Никто с такою верностью и глубиной не изображал всякого рода нигилистов, и при этом он обнаруживал в отношении к одним презрение и негодование, но в отношении к другим — участие и сострадание. Он понимал то, что совершается в людях, сбившихся с прямого пути. Главной темой его был — *раскаявшийся нигилист*; таковы: Раскольников, Шатов, Карамазов и пр.» (Страхов Н. Н. Литературная критика. С. 393) Кульминацией темы, считал Страхов, стала «поэмка» Ивана Карамазова: «В *Легенде об великом инквизиторе* нигилизм возведен на свою высшую точку, до мыслей грандиозных в своей кощунственности; чувствуется, что этот Иван Карамазов должен повернуть и, если повернет, с такою же силою уйдет в противоположную сторону» (Там же. С. 406). И позднее писал в статье «Поминки по Аполлоне Григорьеве»: «Были... люди отзывчивые, схватившиеся с нигилизмом грудью с грудью и осветившие глубочайшие припадки этой болезни — таков был Достоевский» (Страхов Н. Воспоминания и отрывки. С. 249).